

Когда город ГОРЕЛ...

Некоторые из этих картин я уже видел четыре года назад в Кабуле на выставке, которую молодой афганский художник Ахмед Камран Ахмеди организовал сразу после возвращения домой из Ленинграда, где он учился в Академии имени Репина. Другие нарисованы им недавно, в Исламабаде, куда он перебрался из Кабула вместе с семьей всего три месяца назад.

— Многие из тех, старых картин, — говорит он, — погибли, когда в наш дом попала ракета. Некоторые я восстановил здесь, по памяти...

На картинах Ахмеди город изображен таким, каким он был тогда: самое высокое в нем здание министерства связи, убогие торговые ряды старого базара на набережной, как его прозвали наши солдаты — «грязного», старинная мечеть рядом и река Кабул, в осенне-зимний период используемая из-за сильной обмеленности местными женщинами как своеобразная прачечная.

— Теперь ничего этого нет, — грустно вздыхает Ахмеди. — Почти все строения вдоль набережной разрушены. Разрушен и Дом советской науки и культуры, в котором четыре года назад проходила моя выставка.

Сожжены многие из глинобитных домов, тянувшихся вдоль склонов окружающих город гор к их вершинам. Когда-то журналисты даже сравнивали эти горы с небоскребами из-за множества светящихся по вечерам окон. Нет знаменитых «золотых рядов» и «меняльного базара» на набережной, куда, вероятно, чаще всего попадали реактивные снаряды, которыми моджахеды обстреливали город.

Да и Кабул, судя по рассказам художника, сегодня совсем другой. Конечно, и четыре года назад находиться в этом городе было опасно: он постоянно обстреливался, на улицах взрывались припаркованные в людных местах автомашины. Иногда кто-то стрелял по окнам жилых домов. Но теперь, как считает Ахмеди, те времена вспоминаются как «почти спокойные».

В Исламабаде мне доводилось довольно часто слышать подобное мнение от афганских беженцев. Здесь их тысячи. Кто-то в прошлом симпатизировал моджахедам, кто-то сотрудничал с режимом Наджибуллы. Теперь все эти люди, молодые и старые, расположились рядом на популярном здесь «джума базаре» и торгуют поношенными вещами — свитерами, рубашками, носками... И в большинстве своем говорят одно и то же: при Наджибулле было трудно, но то, что происходит теперь, — просто ужасно. Некоторые защищают прежний кабульский режим, другие называют бывшего лидера «московской марионеткой». Но все сходится в одном — в апреле 1992 года, когда моджахеды пришли в Кабул, была открыта самая кровавая страница афганской войны.

В те дни факельные огни были видны на склонах всех гор вблизи нашего посольства, и от бесконечных выкриков толпы в домах дрожали стекла. Многие кабульцы встречали всех моджахедов как героев, не делая никакого различия между ними. Да и расположились тогда все их многочисленные группировки рядом, почти вперемешку. Встречал в первые майские дни город и кортежи с руководителями этих группировок. Люди явно связывали их приезд с окончанием бесконечной войны, от которой все устали, окончанием обстрелов Кабула и продовольственных блокад города. Многим казалось, что

все худшее осталось позади. А что же вышло на самом деле?

На этот вопрос отвечают картины Ахмеди. На многих из них — снова горе и страдание, изуродованные старики и дети, плачущие женщины... Но вы не найдете здесь ни одного портрета супермена с «калашниковым» наперевес. Как и многие афганские художники в Кабуле и в Исламабаде, Ахмеди однозначно отвечает: «Я ненавижу войну...».

Два с лишним года молодой художник с женой и двумя сестрами буквально прятался в собственном доме, боясь выйти на улицу. Там почти постоянно шли бои. Кроме того, боевики начали похищать людей, требуя за них выкуп от семьи. Город горел, рушились жилые дома, погребая под каменными остатками живых людей. Уже два года в Кабуле нет электричества, вода подается с большими перебоями, иногда ее нет неделями. Нескольким раз там возникали эпидемии. Лечить больных гепатитом, малярией или дизинтерией просто некому. Все врачи заняты исключительно хирургическими операциями, спасая жизни раненых. Год назад у Ахмеди родился сын. Необходимо было почти каждый день доставать еду — для него, жены, сестер, себя. Все, что можно было продать, было продано. Наконец, один из старых друзей семьи помог им — дал необходимые деньги на отъезд. Три месяца назад семья художника покинула Кабул. В пути они потратили все — на оплату «пропусков» боевикам, водителям автобусов и автомашин. И в Исламабад семья прибыла практически без одной рупии.

Теперь все они, впятером, ютятся в небольшой комнатке в отдаленном районе. Помогли им друзья — другие афганские беженцы. Получили они помощь и от различных миссий ООН по Афганистану, работающих сейчас в Исламабаде.

Афганские беженцы в Пакистане, Иране и самом Афганистане, конечно же, получают помощь. Но мало кому ее хватает. Люди живут в настоящей нищете, многие семьи ютятся в брезентовых палатках где-нибудь под Пешаваром или Джелалабадом. А число беженцев из Кабула все растет.

Наверное, поэтому, как грустно рассказывал Ахмеди, его сестры иногда говорят ему, что они стали почти равнодушны к жизни. Обе потеряли мужей в афганской войне, так и не став матерями. Обе невероятно скучают вдали от дома. Но и возвращаться некуда. В Кабуле по мирным людям стреляют реактивными снарядами, и конца войны не видно.

— Вероятно, самое счастливое для меня время, — говорит художник, — это годы, когда я учился в Ленинграде. Передавайте, пожалуйста, от меня большой привет всем, кто меня помнит в Академии имени Репина. Навсегда в моем сердце образ моего учителя Бориса Сергеевича Угарова. Именно благодаря его помощи я стал художником...

Андрей ПРАВОВ.
(Соб. корр. РИА «Новости» — специально для «Культуры»).
ИСЛАМАБАД.